УДК 81’373.2

С.Н. Смольников, Ю.И. Чайкина

АНТРОПОНИМИЯ В ДЕЛОВОЙ ПИСЬМЕННОСТИ ВОЛОГОДСКИХ МОНАСТЫРЕЙ XVI – XVII ВВ.

Изучение деловой письменности вологодских монастырей XVI – XVII вв. позволяет сравнивать антропонимию разных слоев русского общества и говорить о социальной дифференциации способов антропонимической номинации. Русская антропонимия конфессиональной сферы в рассматриваемый период представляет собой сформировавшуюся подсистему собственных именований русских людей.

Историческая ономастика, русская антропонимия, вологодские монастыри, деловая письменность.

The studying of business writing of Vologda monasteries of the XVIth – XVIIth centuries allows to compare anthroponymy of the different levels of the Russian society and to speak about the social differentiation of the ways of anthroponymical nomination. Russian anthroponymy within the confessional sphere represents the formed subsystem of the Russians’ proper names.

Historical onomastics, Russian anthroponymy, Vologda monasteries, business writing.

Деловая письменность севернорусских монастырей XVI – XVII вв. (переписные, вкладные, приходо-расходные и др. хозяйственные книги) является одним из источников изучения истории русской антропонимии. Исторические источники данного типа позволяют сопоставлять антропонимию разных монастырей и в результате этого делать выводы об общих и локальных особенностях именований людей в этих текстах [4]. В то же время разнообразие социальных статусов лиц, упоминаемых в памятниках деловой письменности, позволяет сравнивать антропонимию разных слоев русского общества и говорить о социальной дифференциации способов антропонимической номинации. Исследование хозяйственных вотчинных и переписных книг монастырей показывает, что особенности антропонимической номинации лиц в данных источниках обусловлены их назначением, сферой использования, отражают уклад монастырской жизни и общее отношение к имени человека в обрядовом и внеобрядовом употреблении.

Монастырская деловая письменность содержит сведения о монахах и других насельниках монастыря, о монастырских крестьянах, живущих и работающих на его вотчинах, о монастырских вкладчиках, купцах, ремесленниках и промысловых работниках, деятельность которых была связана с монастырем, и др.

В XVI в. различался состав имен духовных и мирских лиц. Монахи имели специфические личные иноческие имена, многие из которых были не характерны для мирских лиц: *Аркадей* [1591 г., 1, с. 316], *Анфилофей* [1573 г., 1, с. 9], *Андреян* [1591 г., 1, с. 318], *Васьян* [1573 г., 1, с. 313], *Варлам* [1576 г., 1, с. 299], *Варсунофей* [1571 г., 1, с. 288], *Гедеон* [1599 г., 1, с. 353], *Дионисей* [1591 г., 1, с. 348], *Ефстафей* [1591 г., 1, с. 325], *Левкий* [1574 г., 1, с. 291], *Протасей* [1591 г., 1, с. 297], *Семион* [1591 г., 1, с. 315], *Феогност* [1571 г., 1, с. 293], *Феодорит* [1571 г., 1, с. 391] и др. Сравнение именников северных и центральных монастырей показывает, что состав монашеских личных имен на Руси в XVI веке уже установился [5, с. 80 – 81]. Близкий состав имен у монахов Спасо-Прилуцкого монастыря отмечен и во второй половине XVII в.: *Александр*, *Варлам*, *Варсонофий*, *Илларион*, *Иоаким*, *Иосаф*, *Исакий*, *Левкий*, *Мисаило*, *Никандра*, *Патракий*, *Саватия*, *Софроний*, *Сантулий*, *Феофан*, *Филарет*, и др. [1688 г., 3, л. 237 – 237 об.]. Подобные имена иноки получали при постриге и принятии схимы. Обрядовое имянаречение сообщало антропонимам признаки сакральности. Иноческое имя сохраняло преемственность с мирским, то есть не отрицало его полностью, а давало имени новую жизнь, символически знаменуя связь с именами святых. Близость иноческих имен к агионимам подчеркивалась их употреблением в полной форме и противопоставлением мирским именам других лиц.

Сопоставление монашеских и крестьянских имен показывает существенные различия между монастырским и светским именником. В отличие от обитателей монастыря, монастырские крестьяне именуются преимущественно двухкомпонентными моделями, в которых на первом месте стоит модификат календарного имени: дер. Линяково, а в ней крестьян. *Ивашко Фомин* з детми з Баканком да с Сенкою. Да *Тимошка Харитонов* с сыном с Максимком. Да *Трофимко Артемьев* с сыном с Ондрюшкою. Бобыль *Федотко Фомин* з детми с Онофрейком да с Устинком и с Пронкою да с Кондрашкою [1670 г., 2, л. 86 об.].

Антропонимы в монастырских книгах отражают особую прагматику именований, для которой не существенно описание родственно-наследственных отношений при помощи патронимической и фамильной лексики. Поэтому значительную активность в монастырских документах имела одночленная модель именования, распространявшаяся указанием духовного статуса: «По благословению *Спаского Прилуцкого монастыря игумена Гурья* да келаря *старца Кирила да* казначея *старца Еуфимья*… и соборных старцов, *старца Веньямина*, да *старца Якима*, да *старца Илинарха*, да *старца Деонисия*…» [1599 г., 1, с. 235]. Именования старцев активно включают средства индивидуальной характеризации – различные прозвища и прозвания: *старецъ Анто-*

ний городовой, старецъ Иван Сарафанъ, старец Андреян Плакса, Богдан Клементиев Беляй, Алексей слепой, старец Феофан Кривой, Старец Макарий Котелник [1670 г., 2, л. 70 – 71].

В составе двучленных моделей именования вторым компонентом могло быть славянское по происхождению личное имя. Остается неясным, принес ли монах это прозвище извне или оно дано уже в монастыре: старец Кирило *Корова* [1576 г., 1, с. 299], старец Сава *Собака* [1574 г., 1, с. 278], крылошенин Сава *Овца* [1574 г., 1, с. 279], старец Феодорит *Сухорукой* [1576 г., 1, с. 357], старец Макарей *Чорный* [1571 г., 1, с. 307], старец Васьян *Зима* [1591 г., 1, с. 315], старец Еустафей *Кожух* [1549 г., 1, с. 325], старец Мисайло *Высокой* [1599 г., 1, с. 235], казначей Сергий *Большой* [1589 г., 1, с. 70], старец Олександр *Горбач* [1599 г., 1, с. 363], крылошанин Нил *Молодой* [1574 г., 1, с. 273], старец Макарей *Малуха* [1574 г., 1, с. 277].

Как видно, значительная часть прозвищ была связана с внешним физическим обликом именуемого, хотя были и такие, мотивировочный признак которых трудно уловим: старец Еустафей *Кожух* [1599 г., 1, с. 325], старец Федор *Баба* [1571 г., 1, с. 306], старец Сава *Чюрса* [1574 г., 1, с. 281], крылошанин Андрей *Сосна* [1574 г., 1, с. 276]. Эти прозвища, по-видимому, были очень активны в повседневном употреблении, поскольку в ряде случаев монахи именовались только с помощью прозвища, например: «Дал *Собаке* 2 алт.» [1574 г., 1, с. 275], «Дал старцу *Чюрсе*… полтину» [1574 г., 1, с. 270] и др.

В то же время даже в конце XVII в. некалендарные имена сохраняют активность на первой позиции в именованиях крестьян. Среди них традиционные для вологжан в XVI – XVII вв. имена *Дружинка, Гостюнка, Первушка, Вторушка, Богдашко, Посничко:* дер. Подолное, а в ней крестьян. Баженко Логинов с сыном Дружинкою. Во дворе Калинка Анкидинов. Во дворе Богдашко Анкиндинов з детми со Власком да с Нифантком Первушка Михайлов. Богдашка да Баженко Дмитривы [1670 г., 2, л. 85 об.]. В именованиях монахов уже в XVI в. такие случаи исключительны: старец *Бессон* иконник [1574 г., 1, с. 277]. Некалендарные имена активны и в именованиях «детенышей», монастырских слуг, учеников: Павлушка Федотов *Бушуй*, Кирилко *Головуня*, Сергунко *Шило*, Никита *Карова* ученик, Данила *Лабута*, *Третьяк* Савельев, *Дружина* Емельянов, Афанасий да *Путило* да Василий Гавриловы дети, Андрей *Корман* [1670 г., 2, л. 71 – 72].

Отсутствие отчеств и фамилий у большинства именуемых восполняется топонимами или оттопонимными прилагательными и названиями монастырских профессий, которые в составе формулы именования также выполняют идентифицирующую функцию. Например: *печемаз* старец Варлам [1576 г., 1, с. 299], старец Ортемей *хлибенной* [1579 г., 1, с. 271], старец Сава *хлебник* [1574 г., 1, с. 282], старец Филип *коровник* [1576 г., 1, с. 290], старец Кирило *кузнец* [1574 г., 1, с. 281], старец Никифор *огородник* [1574 г., 1, с. 277], старец Бессон *иконник* [1574 г., 1, с. 277], старец Власей *чашник* [1576 г., 1, с. 289], старец Андреян *шапочник* [1595 г., 1, с. 348]. Этот принцип именования сохраняет свою продуктивность и в конце XVII в.

Второй компонент модели именования мог представлять собой топоним или производные от топонима. В приходо-расходных книгах Спасо-Прилуцкого монастыря это оттопонимическое прилагательное. Например: старец Арсеней *Оларевской* [1576 г., 1, с. 315] < д. Оларево, старец Леонтей *Кожевниковский* [1574 г., 1, с. 287] < д. Кожевниково, старец Елизарей *Езовский* [1574 г., 1, с. 281], старец Варлам *Щекутьевской* [1579 г., 1, с. 279] < д. Щекутьево, старец Мисаил *Завражной* [1574 г., 1, с. 278], старец Симон *унской* [1599 г., 1, с. 248] < Унское усолье; старец Иона *Малышевский* [1590 г., 1, с. 74], *кандалакшский* старец Серапион [1596 г., 1, с. 149], старец Иев *Цибоглазовской* [1576 г., 1, с. 298]. Значительно реже вторым компонентом являлся катойконим (старец Мисаил *Москвитин* [1576 г., 1, с. 302]) или топоним в косвенном падеже: старец *Анреян в Богороцком* [1579 г., 1, с. 283], старец Федосей *в Лоптунове* [1574 г., 1, с. 225]. Иногда личное имя монаха не сообщается: *старец в Бурдукове*, *старец в Софонове*, *старец в Семенкове* [1574 г., 1, с. 256]. Такие именования выделяли постриженников других монастырей, странствующих монахов или старцев, живущих за пределами монастыря, в окрестных деревнях, что, вероятно, было значимо для составителя документа.

Переписные книги XVII в. содержат указание на состав частно-правовых актов, составленных в монастыре. Они демонстрируют существенные отличия именований в монастырских книгах, предназначенных для внутреннего использования, от других типов документов, в которых используются двухкомпонентные и трехкомпонентные именования разной структуры: межевая выпись писца *Лопаты Хитрово* да подьячево *Максима Трифонова* Авнежские волости со крестьяны [1688 г., 3, л. 187], запись Ваденьские волости на крестьян на *Федора Фотьянова Голову* да на *Еремия Ерюху* [1688 г., 3, л. 193 об.], закладная гостиные сотни *вдовы Парасковьи Яковлевы дочери Едомского, а Семеновские жены Харламова*, гостиные ж сотни *Потапу Кирилову сыну Середницыну* на Мостовую варницу [1688 г., 3, л. 199 об.], данная *Кирилла Гоголевых, по прозвищу Балы*, в монастырь [1688 г., 3, л. 209 об.].

В XVII в. отмечено усложнение именования старцев, при этом целям индивидуализации лица служат указания родственных отношений и семейных имен: *старецъ Иона Сутормин, старецъ Кирило Валутин, старец Андриян Васьянов брат, старец Сергии Поворов отец* [1670 г., 2, л. 70 – 71]. Это соответствует общим тенденциям развития официальной антропонимии в это время (возрастание активности фамилий, описательных патронимов).

Таким образом, исследуемые источники содержат ценные свидетельства того, что русская антропонимия конфессиональной сферы сформировалась уже в XVI в. и позднее сохраняла свою стабильность. Вместе с тем именования монахов складывались под действием русской антропонимической системы в целом, и в XVII в. они испытывают ее влияние, отражая общие тенденции развития. Антропонимия

церковной и монашеской среды XVI в. соответствует существовавшей в то время церковной иерархии: для лиц, игравших разную роль в деятельности монашеской обители, в документах избираются разные способы именования. По мере развития монашеская антропонимия обособляется в особую подсистему собственных именований русских людей.

Источники и литература

1. Вотчинные хозяйственные книги XVI в.: Приходные, расходные и окладные книги Спасо-Прилуцкого монастыря 1574 – 1600 гг. / под ред. А.Г. Манькова. – М.; Л., 1979.

2. Переписная книга имущества, казны и вотчин, составленная сыном боярским вологодского архиепископа Симона Ф.Г. Блиновым, отписавшим монастырь на архимандрита Данила, 1670 г. // Переписные книги вологодских монастырей XVI – XVII вв.: Исследования и тексты. – Вологда, 2011.

3. Спасо-Прилуцкий монастырь: Переписная книга имущества, казны и вотчин, составленная сыном боярским вологодского архиепископа П. Ташлыковым, отписавшим монастырь на архимандрита Иону с соборными старцами, 1688 г. // Переписные книги вологодских монастырей XVI – XVII вв.: Исследования и тексты. – Вологда, 2011.

4. *Чайкина, Ю.И.* Именования духовных лиц на Руси во второй половине XVI в. [на материале приходно-расходных книг Спасо-Прилуцкого и Иосифо-Волоколамского монастырей] / Ю.И. Чайкина, С.Н. Смольников // Словесность и современность: материалы научной конференции. Часть II. – Пермь, 2000.

5. *Черкасова, М.С.* К изучению монашеской антропонимики Русского Средневековья [по материалам Троице-Сергиева монастыря XIV – XVII вв.] / М.С. Черкасова // Проблемы истории культуры. – Нижневартовск, 1997.

УДК 81

Г.В. Судаков

СИСТЕМА НАЗВАНИЙ НАПИТКОВ В СТАРОРУССКОМ ЯЗЫКЕ

В перечне русских напитков преобладали напитки питательные и прохладительные, а в их названиях заметно выделяются составные единицы. Система наименований напитков эволюционировала как единое лексическое сообщество. Статья посвящена происхождению и эволюции названий напитков в русском языке XIV – XVIII вв.

Лексическая группа, принципы номинации, история этноса и история языка, напитки питательные, напитки прохладительные.

Soft and nutritious drinks predominated over other Russian beverages; the names of these drinks are mostly compounds. The system of beverage names has evolved as a single lexical community. The article considers the origin and evolution of the beverage names in the Russian language of the XIVth – XVIIIth centuries.

Lexical group, principles of nomination, ethnos history and language evolution, nutritious beverages, soft beverages.

В перечне русских блюд и напитков преобладали напитки питательные и прохладительные. Миф о том, что «веселие русских есть пити», опровергается при обращении к реальной истории русского застолья. Слово *питие* при описании трапезы встречается часто, с XI века упоминается *чаша заздравная* или *ковш заздравной*, но питие за здравие носило торжественный ритуальный характер, а самый выдержанный мед (имеется в виду напиток) был не крепче четырнадцати градусов. Более крепкие напитки на основе перегонки зернового состава стали употреблять в XVII веке, но они не были украшением русского стола и вообще не были самыми популярными.

Расширение ассортимента и функций напитков чаще всего выражалось в речи увеличением числа наименований и составных номинаций, называющими разные виды напитков. На первом месте по значимости были напитки питательные и прохладительные.

К прохладительным напиткам относились напитки кислые (кисель, квас, кислые шти, морс), к питательным – преимущественно напитки сладкие (взвар, сбитень, сыта, сусло, росол свекольный) или молочные (молоко).

Рассмотрим группу наименований такого авторитетного и широко употребительного пития, как *квас* «кислый напиток, приготовленный на воде с солодом из различных видов зерна или муки». Это общеславянское слово от праславянского корня *кыс-а-ти, кис-ну-ти*, имеющего соответствия в латинском и древнеиндийском [30].

Сам напиток и его название упоминаются в письменных источниках с летописных времен без каких-либо жанровых и территориальных ограничений. Об обычае древних русичей париться в бане, бросая на каменку *квасъ оусняныи*, впервые повествуется в Лаврентьевской летописи. *Квас* как обязательный напиток для пира, вечери упоминается в Великих Четье-Минеях: *Где квасы и пирове и вечеря и обіаданія и піаньства*. По мнению А.Х. Востокова, застолье с хмельным называли *квасами* – во множ. числе [5, с. 169].

Слово *квас* зафиксировано в первых записях русских пословиц, относящихся к XVII в.: *Обыскал себе Влас по нраву квас; Азъ пью квасъ а коли вижу пиво не проду ево мимо*.

Квас и его производные есть практически во всех словарях XVIII века. Качества и функция кваса объективно описаны в стихотворной эпистоле Д. Тербервиля, направленной им в 1568 г. из России в Анг-